

П. Вагнер

**ВСЛЕД ЗА «ОПРАВДАНИЕМ»:
РЕПЕРТУАР ОЦЕНКИ И СОЦИОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОСТИ**

**Репрезентация социальных отношений и политическая философия
в современных спорах**

Вот уже почти двадцать лет Люк Болтански и Лоран Тевено, вместе с несколькими другими социологами, экономистами и статистиками, осуществляют исследовательскую программу, направленную на анализ форм познания, присущих новейшим социальным конфигурациям двадцатого столетия, с целью понять отношения между академическими социальными науками и практическими формами познания. Их программа, таким образом, соединяет социологию знания с социологией социальных институтов. Ее результатом должно было стать обновление социальных наук как раз тогда, когда их критические перспективы оказались в значительной степени исчерпанными. Когда 10 лет назад во Франции была опубликована их главная совместная работа «Об оправдании» [1], она почти сразу же вызвала широкое обсуждение, причем одни подвергли ее жесткой критике, а другие встретили с большим одобрением, увидев в ней начало новой французской социальной науки*. В настоящее время эту книгу можно рассматривать как важное промежуточное звено в развитии политической и моральной социологии, ибо в ней представлены и критика социальной науки, и перспективы для ее обновления, причем во многом путем оживления ее связи с политической и моральной философией**.

* См., напр., [2, p. 5—60; 3, p. 419—576]. Книга «Об оправдании» действительно была издана дважды: ограниченным тиражом в предварительном варианте в 1987 г. и в окончательной версии в 1991. Несмотря на ее заметное влияние на французские дискуссии, подход, представленный в ней, пока еще не получил широкой известности за пределами Франции. Книга в настоящее время готовится к публикации на английском языке в издательстве Гарвардского университета (см. имеющиеся англоязычные отклики [4, p. 556—571; 5, p. 270—289]). Более обстоятельное обсуждение этих новых тенденций во французских социальных науках, включая их связь с философией и экономическими науками, представлено в публикациях [6; 7, p. 305—339].

** Исследовательская группа во главе с Болтански и Тевено в Высшей школе социальных наук в Париже называется «Политическая и моральная социология». В этот подход внесли свой вклад также М. Поллак, скончавшийся в 1992 г., и А. Дерозьер, статистик из Французского национального статистического института (INSEE).

Вагнер Питер — сотрудник Института Европейского университета, Флоренция и Уорвикского университета; работает в области социологии и истории современности с точки зрения социальных и политических институтов и интеллектуального дискурса.

Адрес: Department of Political and Social Sciences, European University Institute, Badia Fiesola, via dei Roccettini 9, 50016 San Domenico di Fiesole (Fi), Italy.

E-mail: wagner@eui.it

В данной статье рассматривается вклад книги «Об оправдании» (далее «ОО») в социальную теорию в свете того критического восприятия, какое эта книга получила во Франции, а также дается краткий обзор направлений, по которым развивалась эта исследовательская программа в ответ на критику*. Цель этой статьи не является просто дескриптивной и беспристрастной: она заключается в том, чтобы оценить достижения данного подхода в деле обновления социальной теории в конце двадцатого столетия и — что в конечном счете означает то же самое — в деле повышения способности социальной теории анализировать нынешнее состояние современности**.

«Об оправдании» во французском интеллектуальном контексте

Аргументация, развиваемая в «ОО», основана на более ранних работах, посвященных анализу конструирования социетальных категорий и различных форм классификации, таких, как понятие «кадры» (cadres) во Франции и социально-профессиональные категории вообще, а также их связи с соответствующими понятиями в социальных науках [13; 14]. Эти предшествующие работы — в русле критической социологии, в том виде, как ее разрабатывал и продолжает разрабатывать Пьер Бурдьё — еще вдохновлялись «герменевтикой подозрения» Поля Рикёра, целью которой было разоблачение практик и видов их оправдания, с тем, чтобы выявить разнообразные формы угнетения, власти и репрессий, которые при ином подходе остались бы скрытыми. Но в то же время в них уже содержались попытки понимания противоречий, присущих такому социологическому подходу [15, р. 631 — 679]. Книга «Об оправдании», таким образом, была направлена на создание системы аргументов, способных продемонстрировать, что многим социальным наукам, включая социологию, самим присущи формы «социальной метафизики» [1, р. 42].

Подход, принятый в «ОО», отличается от критической социологии, или, если использовать ее старое название, от критики идеологии целым рядом важных аспектов. Во-первых, авторы настаивают на том, что ни одну из этих социальных метафизик невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть с какой-либо внешней по отношению к ней позиции. Поскольку не существует позиции более высокого уровня, стратегия разоблачения возможна лишь с точки зрения какой-либо другой «метафизики» или, по мере развития терминологии,

*См. также [8, р. 359 — 377; 9, р. 379 — 396]. Читателям, совсем не знакомым с данным подходом, следует начать со статьи Болтански и Тевено. Краткое изложение данной программы на английском языке представлено в статье [10, р. 1—7].

** Иначе говоря, важнейшей предпосылкой данной статьи является мысль о том, что французская моральная и политическая социология и мои собственные попытки анализа социальных наук как форм самопознания современности имеют много общего. В то время как во второй половине 1980-х гг. Болтански и Тевено разрабатывали аргументацию книги «Об оправдании», я пытался рассмотреть социальные науки в обратной перспективе с помощью сравнительно-исторической социологии их (социальных наук) интеллектуального развития [11], а позже — спроецировать меняющиеся способы интеллектуального осмысления социального мира на политико-институциональную историю европейских обществ [12]. Начиная с 1993 г. между Болтански, Тевено и мною неоднократно велись дискуссии. Данная статья в значительной степени основана на этом обмене мнениями, и поэтому написана она как бы совместно. В интеллектуальном отношении следует отдать должное Болтански и Тевено, в то время как ответственность за ошибки или недопонимание лежит на мне.

путем оценивания «величины» другого порядка. Во-вторых, в «ОО» подчеркивается, что существует множество таких порядков величин (*orders of grandeur*), которые взаимно несовместимы и несводимы друг к другу. Поэтому каждую конкретную оценку можно разоблачить с других точек зрения. Однако несовместимость и необратимость не исключают возможности коммуникации по поводу оценки ситуаций. Существует возможность компромисса, при котором критерии разных порядков соединяются в одной оценке. Однако же компромисс не является неотъемлемой чертой конструирования порядков оправдания. Он осуществляется в действии, в споре по поводу того, какие критерии нужно мобилизовать для оценки ситуации. Это и является третьей отличительной чертой названного подхода: фигуры оправдания, как они формализованы в политической философии, можно обнаружить в способах, которые используются в современных ситуациях спора. Поэтому они должны стать частью эмпирической социологии современного общества, а не просто служить референтами для формальных политических структур.

Если вышесказанное является правильным кратким изложением проекта «ОО», то одна из его характерных черт — комбинация радикализма и умеренности. Он радикален в своей критике предпосылок социальных наук. Но в то же время он скромнен в отношении своих достижений — хотя и претендует на них — в деле их реконструирования. Тем не менее, этот подход, независимо от того, благосклонно он был воспринят или критически, часто принимают за то, чем он не является (или, по крайней мере, пока еще не является). Два случая такого неверного прочтения особенно важны для данной работы.

Во-первых, некоторые читатели увидели в «ОО» очертания новой теории общества. Во французской послевоенной социологии в то время существовало разделение на четыре конкурирующие парадигмы, каждая из которых связана с именем одного ученого, сформировавшего особый подход в течение всего послевоенного периода и до настоящего времени. Это Раймон Будон, Пьер Бурдьё, Мишель Крозье и Ален Турен*. Быть удостоенной титула пятого подхода [18, р. 143 — 163] означало бы для данной работы признание ее как интеллектуальной инновации и альтернативы, в особенности по отношению к работам Бурдьё (см. [9]), которые явились для нее отправной точкой. Но эта похвала отчасти основана на ошибочных предположениях. «ОО», скорее, отступает назад от современных теорий социального мира, чтобы, во-первых, понять интеллектуальное пространство, в котором эти теории создавались, и, во-вторых, дать социологам возможность понять и проанализировать процессы и механизмы, с помощью которых люди оправдывают свои действия и действия других в социальном мире. Первый шаг — это упражнение в социологии знания, шаг, который включает и саму социологию. Это уже важнейшая предпосылка для нового представления об обществе, но еще не само это представление. Второй шаг — это продвижение по направлению к новому представлению о состоянии социальных отношений; это шаг, ведущий к реконструкции социологии на иных основаниях. Но, опять-таки, в данной работе эта задача не вы-

* Обсуждение двух подходов, которые наиболее ярко выделяются в мировой социальной теории, подходов, разработанных Туреном и Бурдьё, см. в подготовленной к публикации статье [16] и в докладах на симпозиуме, посвященном книге Бурдьё «*Méditations pascaliennes*» [17].

полнена и не заявлена. Скорее, здесь идет речь лишь об одном аспекте социального мира — о том, где имеют место оправдания и где они играют определенную роль. Во втором разделе данной статьи речь пойдет о неполноте книги «ОО» и о том, как далее шла разработка более широких концепций социального мира.

Во-вторых, другие читатели увидели альтернативную нормативную политическую теорию в самой сути «ОО», что, как кажется, во многом связано обилием ссылок на традиции европейской политической философии в процессе разработки «порядков величин». В этом контексте развертывание множественной системы порядков оправдания, применимость которых зависит от конкретных акторов и конкретных ситуаций, способствовало тому, что эта работа выглядела как французская версия «Сфер справедливости» Майкла Уолцера [19]. Такой проект был особенно привлекателен для некоторых читателей (и подозрителен для других) в политико-интеллектуальном контексте конца 1980-х — начала 90-х годов. Это было время, когда, с одной стороны, солидаристский республиканизм, или так называемый специфически французский подход к политической философии, повсеместно ставился под сомнение и, казалось, переживал кризис. С другой стороны, индивидуалистический либерализм казался единственной жизнеспособной альтернативой, хотя не всегда и не для всех привлекательной (см. [20] — одну из самых последних публикаций в рамках данной дискуссии).

Хотя в этой ситуации вполне могла существовать потребность в альтернативной политической теории, это вовсе не означает, что авторы «ОО» собирались такую теорию предложить. Скорее, эта работа продемонстрировала, что стили аргументации целого ряда политических философий действительно использовались для разрешения споров и противоречий во множестве различных ситуаций — прежде всего, конечно, внутри формальных политических институтов, но также и в других формальных контекстах, например, в компаниях, или даже вне формализованного контекста. Фокусируя внимание на использовании таких стилей аргументации в действиях людей, можно сказать, что главный интерес данной работы составляют практические политические философские концепции и их применение в социальном мире. Тогда, с одной стороны, эта книга предлагает нечто значительно меньшее, нежели нормативная политическая философия, в том смысле, что она не была нацелена на создание каких-либо всеобщих критериев справедливости или даже критериев в плюралистическом смысле наподобие «сфер справедливости» Уолцера. Но, с другой стороны, книга выходит за пределы простого субъективного толкования политической теории, демонстрируя, что на самом деле люди применяют эту практическую философию для разрешения спорных ситуаций или преодоления неопределенности оценки.

Таким образом, «ОО» восстанавливает связь между политической философией и (эмпирической) социальной наукой, которые все дальше и дальше отходили друг от друга с тех пор, как разделились в начале XIX столетия. Если теперь иногда создается впечатление, будто вновь ожившая политическая философия приходит на смену исчерпавшей себя традиции социальных наук и социальной теории, то это лишь потому, что упускается из виду, что социальная наука возникла в значительной степени как эмпирическая политическая

кая философия, как попытка подойти к политическим проблемам другим путем [21, р. 241 — 263]. Программа политической и моральной социологии в значительной степени свидетельствует о таком воссоединении. Если 10 лет назад она еще пребывала в зачаточном состоянии и с трудом осознавалась как таковая, то к настоящему времени она получила дальнейшее развитие, о чем пойдет речь в третьем разделе данной статьи.

Материал будет представлен в форме обсуждения критики, которую вызвала данная программа и в особенности книга «Об оправдании». Хотя некоторые из этих критических отзывов действительно были основаны на недопонимании, смысл представленного здесь обзора не сводится к повторению уже сказанного. Многие из критических замечаний показали как дисбаланс в первоначальной концептуализации, так и необходимость дальнейшей разработки некоторых аспектов программы. В работах, последовавших за «ОО», такая разработка была осуществлена, и результаты ее будут также здесь изложены. Прежде чем перейти к двум главным темам — представлению состояния социальных отношений после критики социологии и вопросу о практической политической философии, — данный подход будет рассмотрен в контексте современных социальных наук. Так, одно из самых ранних, и в определенном смысле, самых главных критических замечаний, о которых пойдет речь, — это упрек в возвращении назад, к индивидуализму и социологии действия.

Социология критической способности: путь к индивидуализму и деятельности (agency) — это не улица с односторонним движением

Вот явление, которое можно считать привычным для теоретических споров в социальных науках, большая часть которых состоит из пластов концептуального дуализма: зачастую критика там оказывается беспомощной из-за того, что использует устоявшиеся категории. Если нечто является — или даже просто объявляет себя — не принадлежащим к одной из двух известных нам разновидностей, значит оно принадлежит к другой. Французская социологическая традиция обнаруживает устойчивую склонность к холизму и/или к коллективизму, по крайней мере, с Дюркгейма; структурализм и отчасти то, что называют постструктурализмом, является позднейшим проявлением этой традиции [22, р. 162 — 212]. В подобном контексте любой подход, который способен дать обоснованную критику какому-либо из априорных предположений холистского или коллективистского толка, весьма вероятно, будут обвинять в том, что он впадает в индивидуализм и атомизм. В лучшем случае, даже если в нем нет индивидуализма, такой подход будет преувеличивать значение человеческого действия (human agency), как в случае интеракционизма. При этом придется расплачиваться за преодоление дихотомии коллективизма и индивидуализма, попадая в ловушку другой дихотомии; этот подход превратится в микросоциологию, совершенно не способную к анализу и теоретизации целостных социальных конфигураций.

Все эти уже привычные споры приобрели особую остроту в интеллектуальном контексте Франции (а также в других европейских кругах) в 1980-е годы. В интеллектуальный обиход философии впервые вошел как релевантная сила аналитический подход, в том смысле, что он получил повсеместное признание и подвергся широкому обсуждению. И в политической философии этот про-

цесс сопровождался повышением интереса к англо-американской версии либерализма. Действительно, важнейшие работы, внесшие вклад во французскую полемику этого периода, стремились отбросить, в интеллектуальном отношении, социологический подход, и одновременно дистанцировали себя, в политическом отношении, от акцента на коллективах в традиции политических левых. Пьер Розанваллон и Франсуа Фюре, вероятно, являются выдающимися фигурами, занявшими эту позицию со своей критикой общепринятых истин о французской революции, государстве благоденствия и коммунизме. Однако и в интеллектуальном, и в политическом плане можно сожалеть о том, что эти дебаты были резко разделены на закоренелых левых, цеплявшихся за социологизм, и набирающих силу либералов, и обе стороны старались превзойти друг друга в радикальности своего отречения от старых догм, зачастую не задумываясь, какой ценой придется расплачиваться за подобную позицию.

В связи с этим разработки, которые не укладывались в эту схему, могли остаться незамеченными или отнесенными не к той категории. Например, Брюно Латур, который известен за пределами Франции в основном благодаря своей так называемой релятивистской и конструктивистской социологии научного познания, строил свои рассуждения, опираясь на работы Мишеля Серра и Жюльена Делёза, поэтому о нем можно сказать, что он работает в основном в русле ницшеанской традиции мышления. Несмотря на очевидный критический характер его работ, его позиция не укладывалась в структуру дебатов, поскольку он совершенно свободен как от марксизма, так и от дюркгеймианства, т.е. от основных позиций социологической критики. О сложности интерпретации подходов, выходящих за пределы привычных категорий, говорит тот факт, что Латура обвинили в кантианстве и морализме, с одной стороны, и в социологизме, с другой.

Что касается «ОО», то все признают, что этот подход шагнул за пределы традиционных способов социологического исследования. Однако никто не заметил, что в отличие от других направлений критики социологии, он не порывает с этой традицией. Предшествующие работы, посвященные историческому развитию и кодификации социально-профессиональных категорий, как упоминалось выше, начали подвергаться сомнению базовый социологический инструментарий, но сами при этом пользовались социологическими приемами. Авторы «ОО» стремились обоснованно сформулировать выводы, которые следует сделать из этих предшествующих работ. Таким образом, они отвели социологическому образу мышления роль способа оправдания и критики, но не отбросили его, а связали с другими. Иначе говоря, в «ОО» не утверждается, что социология уже не может быть критической; основной и фоновый аргумент состоит в том, что критика не ограничивается социологией.

Именно в этом смысле данный подход можно назвать социологией критической способности [8], которая серьезно относится к оправданиям, используемым людьми в отношении своих собственных действий, а также к репертуару их оценок в отношении действий других. Так традиция политической философии с необходимостью включается в общую схему как исторический репертуар методов оправдания, каждый из которых, благодаря своему происхождению из ученых трудов и дебатов, приобретал определенную степень связности. Авторам «ОО» удалось продемонстрировать, что такие способы оправдания дей-

ствительно присутствуют в современном обществе и что их можно обнаружить в спорах и дискуссиях по поводу оценки ситуации и оправдания действий. Это само по себе не является ни теорией общества, ни даже детально разработанной новой социологией, но на этой основе социология может и должна быть построена.

В конце концов, трудно понять, как в этом подходе можно было найти индивидуализм и преувеличение значимости человеческой деятельности. Пытаясь синтезировать элементы своей теории, этот подход добивается этого путем объединения наблюдения за ситуационно обусловленными действиями, в котором ситуации всегда нуждаются в интерпретации (в сущности, как в интеракционизме), с анализом регистров оправдания и оценки, которые мобилизуются в ситуации, но выходят за ее пределы, а также с изучением выработки развития материальных и когнитивных механизмов (*dispositifs*), которые служат для стабилизации ситуаций и потенциально могут создать широко распространенные и относительно долговременные социальные феномены (это обычная область макросоциологии). Двигаясь в этом направлении, авторы подхода развивают концептуальную и исследовательскую стратегию, которая обращена к вечной проблеме социологии, вынужденной разрываться между психологизмом (действия), с одной стороны, и высоким историзмом — с другой.

Данный подход нужно понимать как попытку избежать проблемы выбора между этими одинаково неблагоприятными возможностями. Это можно проиллюстрировать, обратившись к более поздней работе Люка Болтански «Страдание на расстоянии» [23], в которой анализируется проблема отношения к страданиям, которые испытывают дальние другие, в конкретной ситуации прямого репортажа о нищете, притеснениях и бедствиях где-либо в мире. В общем, симпатия — это освященная временем тема в моральной и политической философии. В недавних, можно сказать, современных работах симпатия и жалость тоже были непосредственно введены в политику, например, Адамом Смитом. Но если чаще всего это делалось посредством мегаисторических схем, то «Страдание на расстоянии» пытается поставить вопрос о том, как эмоции передаются через историческое повествование, посредством демонстрации схем, которые являются и прагматическими, и историческими.

Реконцептуализация социального мира

Публичное действие и близкие отношения (familiarity)

В этой и других работах особый акцент на отношениях с публикой был одним из способов выйти за пределы близких, привычных или дружеских отношений, а также за пределы концепции практик, которая уже существовала в социологии, и таким образом, за пределы так называемой микросоциологии. Оправдание происходит в публичной сфере, включающей минимум тех, кто находится в состоянии спора, но также и других — судей и наблюдателей. Здесь важны две особенности такого повышенного внимания к публике. Во-первых, здесь нет единой нормативной коннотации публичного пространства, в отличие от теоретических рассуждений Юргена Хабермаса. Наличие такой

публики не повышает рациональность, а, скорее, дает возможность привлечь различные режимы оценивания (порядки величин)*. И, во-вторых, публика не обладает ни свойствами группы, ни свойствами коллектива. Это феномен, который выводит за пределы отношений близости (*proximity*), к другим, рассматриваемым в общем плане, не относясь при этом к разряду коллективов. Таким образом, это понятие позволяет избежать коллективизма, не впадая при этом ни в индивидуализм, ни в микросоциологию.

Однако акцентирование понятия публики и публичного действия привлекает внимание к одному из ограничений подхода, представленного в «ОО». Один из вопросов, который постоянно — и вполне оправданно — возникает, это вопрос о происхождении выделенных там шести порядков величин (и/или ценностей). Ответ на этот вопрос заключается не в том, что они когнитивно исчерпывают проблему в том виде, как она представлена, и не в том, что они являются просто результатом исторического анализа (ниже эти два варианта рассматриваются подробнее). Как режимы, которые действуют посредством оправдания, эти порядки являются в своей основе публичными режимами. Однако это уточнение имеет смысл лишь в том случае, если существуют и не публичные режимы. Исследование особенностей таких неформальных режимов, как режим регулярного запланированного (*planned*) действия или режим близкого знакомства (*familiarity*) было необходимым шагом и к объяснению ограничений «ОО», и к расширению перспективы за пределы этих границ в сторону менее публичных, более индивидуальных или локализованных способов взаимоотношения человека действующего с его окружающей средой [24, p. 39—69; 25, p. 72—101]. Публичный режим оправдания — это только один из нескольких режимов, которые нужно идентифицировать для того, чтобы проследить перемещение от привычной вовлеченности в близкое окружение вплоть до полной публичности критики и оправдания. Динамика каждого режима демонстрирует связь между восприятием соответствующей реальности и контурами какого-либо блага. Когда оценка должна соответствовать требованию публичного оправдания, тогда это благо является общим благом, которое, в конечном счете, покоится на допущении единства человеческой природы (*common humanity*). Но это благо может быть намного более ограниченным и обыденным. Оно может заключаться в выполнении обычного запланированного действия. Это ограниченное благо доступно для людей, которые не совершают соответствующее действие, но только используют формат запланированного действия для интерпретации поведения других и для координации своего поведения относительно их деятельности. Это благо может иметь еще более личный и ситуативный характер, когда выигрыш от взаимодействия (*engagement*) оценивается на основе какого-либо идиосинкратического обмена с близкими людьми или вещами.

Дифференциация режимов, следовательно, приводит к различению разнообразных состояний человека или, в англо-американской терминологии, форм

* Хотя данный подход фокусирует внимание на коммуникативном действии, он по своим ключевым характеристикам весьма отличается от теории оправдания Хабермаса. Разумный консенсус возможен только в пределах одного порядка величины, но не между ними (где возможен только компромисс, см. ниже); оправдание является руководящей нормой не для всех видов взаимодействия, а только для части социального мира, и его нельзя определить априорно. Все эти аспекты будут рассмотрены ниже.

деятельности (agency) в соответствии со способами обращения с тем, что является внешним по отношению к человеческому существу: объектов вокруг него, окружающей среды. Подчеркивание внешнего окружения, с теоретической точки зрения, в значительной мере является предосторожностью по отношению к голому социологическому функционализму. Способы толкования внешнего мира сами становятся предметом социологического исследования. Следовательно, в этом пункте данный подход смыкается с социологией технологии и, в частности, с той ее версией, которую развивает Брюно Латур и которая известна также как сетевой подход. Однако в противоположность сетевой теории, где понятие «сети» унифицирует все отношения с объектами, здесь выделяются различные их виды. В результате создается большая и более социологическая сложность — в смысле способов взаимодействия (engagement) людей с артефактами и природой [26].

Реализм, о котором идет речь, когда подчеркиваются отношения с объектами, нельзя сводить ни к реализму самих объектов (как обладающих определенными физическими свойствами), ни к реализму конвенций, ни к реализму значений. Это реализм, который проводит (социологические) различия между образами реальности в соответствии с тем, каким образом соединены друг с другом концепции блага и соответствующей реальности. Иначе говоря, в фокусе внимания — ограничения, которые накладывает реальность на стремление к благу, на разработку инструментов для его достижения (см. работы Алена Дерозьера о политических теориях статистики, в особенности [27]). Такая дифференциация режимов позволяет избежать оппозиции между субъективностью, которая ассоциируется с близостью, и объективностью, которая ассоциируется с широкой публикой*.

* В перспективе, предложенной Тевено, такая концептуализация различных режимов вовлеченности направлена на идентификацию уровня, находящегося ниже индивидуального актора. Во-первых, данная концептуальная схема проясняет, каким образом индивидуальная автономная деятельность зависит от обычного способа понимания и оценки окружающей среды с функциональной точки зрения, а действующего лица — как носителя плана, намерения, воли, т.е. двух условий, которые помогают установить ответственность. Во-вторых, данная концептуализация выдвигает на первый план скорее базовую, а не индивидуализированную деятельность. Эта персонализированная деятельность более тесно зависит от опутывающей ее сети связей с привычным и близким окружением, которые представляют собой продолжение личности. В отличие от индивидуальной целенаправленной деятельности, личность не свободна от близких, привычных сущностей, которые расширяют ее пределы. Автономия не является данностью или даже поддающимся недвусмысленному определению состоянием человеческого существа. Скорее, степень автономии устанавливается именно в таких способах связи с внешним миром; и именно через эти отношения зависимости и привязанности личность (personnalité) и существует. Поэтому любой вопрос, направленный на то, чтобы связать личность напрямую с моральной автономией, является ошибочным уже в своей постановке. Хотя Болтански признает, что личность не является ни (моральной) необходимостью агапэ, ни методом оценивания, ни моралью или этикой, она, тем не менее, является формой существования человека почти в антропологическом смысле. Без этого человеческие существа не могли бы быть вместе. Несмотря на это различие между двумя авторами, их общая перспектива связана с единичными человеческими существами (а не с индивидами в строгом смысле этого термина) и действиями, но их социологические рассуждения не ограничиваются этими отправными точками.

Справедливость, любовь и сила

Тем не менее, режимы оправдания отличаются от других режимов социальной жизни не только по той причине, что они являются публичными. Авторы «ОО» часто упрекали за создание слишком гармоничной картины социального мира. Единственным спорным вопросом в таком мире, по мнению некоторых читателей, является вопрос о том, какой из способов оправдания следует применить, учитывая их нередуцируемое множество. Создается впечатление, будто Болтански и Тевено полагают само собой разумеющимся, что любое социальное действие нуждается в оправдании и действительно оправдывается. Иначе говоря, критики обнаружили в мире «ОО» полное отсутствие властных отношений и, соответственно, упрекали ее авторов в идеализме и чрезмерной ориентации на консенсус.

Эти критические замечания в отношении «ОО» были реакцией на то, что, несомненно, было сменой акцентов по сравнению с традицией критической социологии. До некоторой степени можно понять и резкость этой реакции, если припомнить интеллектуальный контекст конца 1980-х гг., когда начался процесс, ныне полностью осознанный как почти полный крах социальной критики, как утрата критических регистров и как явный недостаток способности построить мир на нормативной основе. Тем не менее, такая установка в отношении «ОО» все-таки была основана на неверной оценке ситуации, поскольку критики не смогли увидеть недостатки своей собственной позиции. Более того, осталось незамеченным, что анализ режимов справедливости в «ОО» вовсе не содержит в себе утверждения, будто мир справедлив, будто каждое человеческое действие нуждается в явном оправдании. Если что и можно поставить в вину авторам «ОО», так это недостаток ясности их собственной позиции по данному вопросу.

Болтански и Тевено стремились отмежеваться от критической социологии, так как они полагали, что социальный мир в изображении Бурдьё или Мишеля Фуко непригоден для жизни, поскольку в нем безраздельно правит власть. В этом смысле анализ режимов справедливости представляет собой попытку исправить такую картину, подчеркивая насущную необходимость оправдания. Однако в результате мир и в их изображении получился непригодным для жизни, ибо выглядит так, будто люди постоянно озабочены справедливостью и всегда находятся в действии. За осознанием того, что непреднамеренно было построено как зеркальное отображение критической социологии, причем с такими же изъянами, должна была последовать двойная реакция. Во-первых, необходимо было прояснить место режимов справедливости в целостной картине. И, во-вторых, в эту картину следовало ввести соотношение между порядками оправдания и властью.

Что касается первого требования, то Болтански попытался удовлетворить его в двух книгах, последовавших вскоре за «ОО», а именно «Любовь и справедливость как компетенции» [28] и «Страдание на расстоянии» [29]. Если Тевено продолжил данный подход «вниз», добавив режимы запланированного действия и близости (*familiarity*), то Болтански расширил его «в стороны», включив режимы любви и насилия. Если формы справедливости, охарактеризованные посредством порядков величин, являются мирными способами установле-

ния эквивалентности, то существуют и другие режимы, не мирные, такие как насилие, или не основанные на поддающихся объяснению формах эквивалентности — например, любовь. Эти соображения позволяют провести двойное различие: с одной стороны, между режимами спора и мирными режимами, а с другой — между режимами, обладающими методами приведения к эквивалентности, и режимами, которые их лишены. Отсюда возникают четыре основные формы взаимодействия: справедливость, насилие, правильность (*justesse*) и любовь [28, р. 110—111]. Безотносительно к достоинствам ее конструкции, эта общая схема должна была прояснить, что социальные отношения, взятые в рамки режимов справедливости, — это только один из способов вступать в отношения с другими. Точнее говоря, эта схема подчеркивает, что сосредоточение внимания только на порядках оправдания преувеличивает меру связности и рациональности социального мира, степень преобладания между людьми отношений эквивалентности*, а также меру фактической вовлеченности людей во взаимодействие друг с другом. Социальный мир — это отнюдь не рациональный артефакт; он не всегда эксплицитен и отнюдь не всегда поддается расчету.

Режимы любви и режимы насилия, в противоположность режимам справедливости и правильности, объединяет то, что они не основаны на эквивалентности и обладают слабой рефлексивностью. Однако их нельзя объявить недействительными только из-за отсутствия этих характеристик**. В греческой, а затем и в христианской традиции всегда присутствует напряжение между справедливостью и агапэ. Отказ от эквивалентности является центральным для Нового Завета. И агапэ — это практика в ситуации слабой рефлексивности; рефлексивность, или публичность в данном случае***, устранила бы саму возможность агапэ. Подобно тому, как регистр оправдания может внезапно переключиться с одного порядка величины на другой в процессе спора по поводу справедливости, всегда есть возможность перехода из режима справедливости в режим любви или насилия, и наоборот.

Если говорить точнее, в «Страдании на расстоянии» рассматривается сравнительно редкая до недавнего времени ситуация призыва к действию и вовлеченности, которая теперь все чаще бывает вызвана знанием и сообщениями в средствах массовой информации о страданиях дальних других. И это опять ситуация, которая во многом отличается от споров по поводу регистров оправдания. Здесь первоначально люди ничем не связаны друг с другом; их разделяет расстояние. Кроме того, здесь, по крайней мере, в первый момент, дело касается не столько справедливости, сколько жалости и сострадания. То есть вначале эти отношения не предполагают никакой вовлеченности, речь идет о возникновении интереса как такового, о побуждении к установлению отношений с этими другими.

*В «ОО» эта характеристика называется допущением единства человеческой природы.

** См. в этом контексте прочтение Дерридой [29] Беньямина [30] об отношении между законом, справедливостью и насилием.

*** Именно здесь становится очевидной связь между этими работами Болтански и интересом Тевено к отношениям близости и привычности; см. также размышления о любви и публичности Х. Арендт [31, ch. 10].

Это новое расширение общей картины социального мира — после разработки способов оправдания в «ОО» — было первым шагом по направлению к новому представлению о состоянии социальных отношений и к анализу политической философии, вовлеченной в современную полемику. Вторым необходимым шагом является использование этих концептуальных построений в эмпирико-историческом анализе с целью дать новую политико-социологическую оценку современности*.

К социологии политической и моральной жизни

Пересмотр недетерминированного суждения

Болтански и Тевено открыто заявляли, что шесть порядков величин, выделенные в «ОО», ни в коем случае не следует воспринимать как исчерпывающее изображение сферы теоретических возможностей. Тем не менее — и это в какой-то степени понятно — их весьма систематичная разработка поднимает вопрос о взаимоотношении этих порядков друг с другом и об их месте в более широком поле. Поэтому, как уже говорилось выше, их работу сравнивают с книгой Майкла Уолцера, внесшей вклад в полемику по поводу либерализма и коммунитаризма, — «Сферы справедливости» [19], и считают ее французской версией современной критики либерализма. Специфический способ концептуализации порядков величин можно удачно определить путем его сравнения и с подходом Уолцера, и с недавним наиболее влиятельным выступлением в защиту либерализма — «Теорией справедливости» Джона Ролза [34].

Контраст при сравнении с Ролзом поразителен. Свобода индивидов не является исходным пунктом рассуждений. Тезис Ролза о «покрове неведения» (a veil of ignorance) уступает место тезису о единстве человеческой природы. Более того, Болтански и Тевено подчеркивают дифференцированное понимание благ и важность этого факта для политического обсуждения, в противоположность попытке Ролза не допускать различий между благами в политическую сферу. И в том, и в другом отношении справедливо считают, что «ОО» стоит ближе к Уолцеру, нежели к Ролзу. И все же между «ОО» и «Сферами справедливости» Уолцера существует глубокое расхождение, которое зачастую недооценивают.

Подобно Болтански и Тевено, Майкл Уолцер работает с понятием нередуцируемой множественности благ и признает релевантность этой множественности для политики. Однако пытаясь связать такое понятие с институциональной политикой, он помещает блага в различные общественные сферы. Таким образом, он основывает нормативную политическую теорию на довольно классической социологии посредством соединения a posteriori норм справедливости как разделяемого понимания с макросоциетальной ситуацией. Построение таких сфер показывает, что Уолцеру, по сравнению с Болтански и Тевено, в

* В настоящее время заканчивается подготовка к публикации основных результатов этих исследований последних лет [32; 33]. Здесь было бы неуместным сообщать о них подробно — отчасти потому, что рассмотрение этих результатов только в связи с книгой «ОО» было бы несправедливым по отношению к новым формам интеллектуального сотрудничества, которые установили авторы. Я ограничусь здесь лишь характеристикой того, каким образом эти новые работы пытаются ответить на вопросы, возникшие ранее.

большой мере свойственны и релятивизм — вследствие принципиального разделения сфер, и реализм — вследствие распределения благ по сферам. Что касается Болтански и Тевено, то их порядки величин нельзя «нанести на карту» макросоциетальной ситуации, и эти порядки, таким образом, не являются реальными как отдельные социальные феномены, они всего лишь репертуары оправдания. И они не обеспечивают никаких существенных решений политических проблем; такие решения возникают только из полемики. Таким образом, с этой точки зрения, фактический анализ социальных ситуаций ни в коей мере не определяет, каким способом оценивается ситуация. Социальная оценка — это мобилизация и применение репертуаров оправдания в конкретной ситуации.

Если нет прямой связи между теорией общества и нормативной политической теорией (благодаря которой последняя могла бы обеспечить критерии оценки в соответствии с социальной локализацией спорной проблемы), нет и оснований предполагать, что конкретный перечень репертуаров оценивания можно считать исчерпывающим. Именно в этом часто подозревают «ОО», в значительной степени потому, что предшествующая идея осталась непонятой. Множественность порядков оправдания неизбежно остается открытой, поскольку она не связана ни с какой определенной сущностной социальной онтологией. Оценка остается социально недетерминированной. Чтобы уменьшить риск какого-либо недопонимания в этом вопросе, авторы пытались увеличить сферу репертуаров оправдания, расширив свой подход. Первая такая попытка была предпринята в дискуссии о возможности порядка экологической ценности — дискуссии, основанной на анализе полемики по вопросам окружающей среды с точки зрения процесса конструирования такого порядка, его генезиса [35, р. 495 — 524; 36, р. 27 — 50]. Последующие работы существенно расширили этот анализ как во временной, так и в пространственной перспективе.

Порядки оправдания и историческая случайность

Даже у благосклонных читателей иногда возникает подозрение, что самих авторов «ОО» могли ввести в заблуждение исторические примеры. [37, р. 273 — 298]. С исторической точки зрения, шесть порядков оправдания были, очевидно, построены на основании разнородных философских работ, созданных за столетия европейской истории, и результаты этого анализа были затем перенесены в современную полемику о вещах, совершенно чуждых для тех философов. Это можно рассматривать как отсутствие исторической перспективы, несмотря на обращение к истории. И хотя, действительно, в книге «ОО» есть места, указывающие на возможность изучения изменения специфических компромиссов между порядками оправдания в истории современности, эта перспектива так и осталась незавершенной [1, р. 347 — 356; 5, р. 286].

Во многом в ответ на такую критику Е. Чиапелло и Л. Болтански предприняли анализ исторического развития порядков оправдания, проведя сравнение во временной перспективе. Их книга, которая уже выходит из печати, исследует всю полноту изменений в использовании форм оправдания в сфере труда и управления на протяжении трех последних десятилетий. Здесь исследуется, как создается новый порядок оправдания, как он поднимается до уровня относительного доминирования, и в то же время то, как уходят со сцены другие,

например домашний порядок ценности, — вплоть до полного их исчезновения*.

Будучи реакцией на исчезновение критики в последние десятилетия, как об этом говорилось выше, этот анализ современной трансформации капитализма, или возникновения «нового духа капитализма» [33], нацелен и на восстановление связи исследования властных отношений с исследованием режимов справедливости. Вместо принятия аналитической альтернативы между миром власти и миром справедливости оба эти мира введены в общую картину как отношение между двумя метафизиками: метафизикой Делёза и Фрейда (смещения на имманентном уровне), с одной стороны, и конвенционалистской метафизикой, о которой идет речь в «ОО», с другой. Здесь же приводятся доводы в пользу того, что связь между этими двумя мирами можно анализировать в полном конфликтов процессе конструирования нового порядка оправдания.

Против французской исключительности, как и против всякой другой

Пока Чиापелло и Болтански работали над сравнениями во временной перспективе, Мишель Ламон и Лоран Тевено расширили анализ репертуаров оценивания посредством сравнения в пространственном плане, организовав во Франции и США серию сопоставимых исследований спорных вопросов в различных областях, таких как расизм, сексизм, искусство, журналистика, конфликты, связанные с окружающей средой, а также политика в этой области [32]. Как и в первом случае, этот проект был в равной мере и теоретическим исследованием, и расширением области эмпирического анализа. Побуждением к этому исследованию послужило утверждение, высказанное не французскими, а главным образом, американскими читателями, о том, что порядки оправдания в том виде, как они представлены в «ОО», это сугубо французское явление, которое мало что говорит о социально-политической жизни в других странах.

Выбрать США как поле для проверки концептуальной модели на всеобщность и универсальность — это значит сознательно работать на границах этой конструкции. В то время как рационалистический индивидуализм рассматривался в «ОО» как некий идеальный тип, и потому как крайняя форма социальной метафизики, такая метафизика индивидуальности, скорее всего, является в США основополагающим принципом повседневной жизни, как в представлении о себе самих американцев, так и по мнению иностранных наблюдателей (о последнем см. [39, р. 39 — 63]). Этот принцип, по-видимому, активно действует, хотя и в редуцированной версии, и в американских социальных науках.

Тем не менее, из-за желания понять основы американской политики пришлось принять эту концепцию, включая ее редуцированную версию в американских социальных науках, как эмпирический факт для сравнения использования порядков ценностей и других видов репертуаров оценивания. В американской ментальности — если этот термин можно допустить для краткости — приоритет отдается индивиду (в противоположность всякого рода коллективности) и процедурным правилам (в противоположность содержательным), и

* В этой книге, следовательно, представлен анализ, который направлен на те же проблемы, но выходит за пределы моих собственных попыток понять социальные конфигурации, возникающие в конце периода «организованной современности» [12; 38].

этот приоритет оправдан с точки зрения приверженности либеральному плюрализму. Обращение к коллективным и содержательным моментам с этой точки зрения рискует посягнуть на выражение свободы во всем ее возможном плюрализме. Политические приоритеты облечены в форму того, что можно было бы назвать онтологическими предпочтениями [40, р. 159—182]. Однако стоит приступить к сравнению, сразу обнаруживается, что придерживаться таких строгих формулировок очень трудно. С одной стороны, американские штаты применяют нормы в своих процедурах [12, р. 8—15; 51—54], а с другой стороны — европейские формы согласования являются не менее процедурными как раз потому, что могут включать ссылки на существо дела или на общее благо.

Сравнительное исследование, которое осуществили Ламон и Тевено, опровергает скептиков. Американскую политическую жизнь тоже можно изучать на языке порядков ценностей, которые привлекаются в спорных ситуациях, и даже сами эти порядки во многом похожи*. Однако различие в квазионтологическом предпочтении, как упоминалось выше, оказывает воздействие как на формальные особенности политических дебатов, так и на осуществление политики. Что касается первого, то согласование гражданского порядка ценности с ориентированным на рынок порядком во французском контексте всегда будет вызывать напряженность, в то время как в США переход от первого ко второму едва ли составит проблему. Различия в осуществлении с особенной силой проявляются, например, тогда, когда спорные вопросы выражены на языке равенства. Во Франции равенство является преимущественно категорией гражданского порядка оправдания в традиции солидаризма, в то время как в США это, скорее, правовая категория. Однако проще уравнивать права, нежели солидарности.

В своих последних работах Болтански и Тевено ушли далеко за пределы их критического интереса к методам социальных наук, кульминацией которого и была книга «ОО». Кроме того, стало ясно, что речь идет о реконструировании социальных наук после критики, а не об отказе от социальной науки вообще. Хотя некоторые достижения социальных наук на протяжении истории их развития могут быть восстановлены и сохранены, новая концепция должна выглядеть иначе, чем прежняя, во многих важнейших аспектах. В первом приближении можно сказать о том, что целью здесь является способ репрезентации состояния социальных отношений, а не теория общества, и понимание репертуаров политической и моральной оценки, а не теория справедливости. Это означает, что в истории развития социальной и политической теории были цели, которые необходимо пересмотреть. Если такой пересмотр порождает новые вопросы и проблемы, то это не может быть основанием для прекращения такой попытки, поскольку любой возврат к прошлым целям нанесет урон новому пониманию.

Перевод с английского Л.В. Бозриковой под редакцией В.Б. Голофаста

*Хотя, вряд ли можно рассматривать домашний (domestic) порядок величины как реально существующий в США.

Литература

1. Boltanski L., Thévenot L. De la justification: Les économies de la grandeur. Paris: Gallimard, 1991.
2. Espaces Temps: Special Issue on «Ce qu'agir veut dire». 1992, № 49/50.
3. Critique: Special Issue on the New French Social Sciences: Science humaines, sens social / Ed. Vincent Descombes. 1991. № 47.
4. Dodier N. Action as a Combination of «Common Worlds» // Sociological Review. 1993. Vol. 41. № 3.
5. Wagner P. Dispute, Uncertainty and Institution in Recent French Debates // Journal of Political Philosophy. 1994. Vol. 2. № 3.
6. Dosse F. L'empire du sens: L'humanisation des sciences humaines. Paris: La Découverte, 1995. (Trans. Empire of Meaning: The Humanization of the Social Sciences. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995.)
7. Wilkinson J. A New Paradigm for Economic Analysis? // Economy and Society. 1997. Vol. 26. № 3.
8. Boltanski L., Thévenot L. The Sociology of Critical Capacity // European Journal of Social Theory. 1999. Vol. 2. № 3.
9. Bénatouil T. The Critical and the Pragmatic Stance in Contemporary French Sociology // European Journal of Social Theory. 1999. Vol. 2. № 3.
10. Thévenot L. New Trend in French Social Sciences // Culture. 1995. Vol. 9. № 2.
11. Wagner P. Sozialwissenschaften und Staat: Frankreich, Italien, Deutschland 1870-1980. Frankfurt am Main: Campus, 1990.
12. Wagner P. A Sociology of Modernity: Liberty and Discipline. L.: Routledge, 1994.
13. Boltanski L. Les cadres: La formation d'un groupe social. Paris: Minuit, 1982 (англ. перевод: The making of a Class: Cadres in French Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1987).
14. Desrosières A, Thévenot L. Les catégories socioprofessionnelles. Paris: La Découverte, 1998.
15. Boltanski L., Thévenot L. Finding One's Way in Social Space // Social Science Information. 1983. Vol. 22. № 4/5.
16. Knöbl W. Social Theory from a Sartrean Point of View: Alain Touraine's Theory of Modernity // European Journal of Social Theory. (Forthcoming.)
17. European Journal of Social Theory. 1999. Vol. 2. № 3.
18. Chazel F. Away from Structuralism and the Return of the Actor: Paradigmatic and Theoretical Orientations in Contemporary French Sociology // Sztompka P. (ed.) Agency and Structure: Reorienting Social Theory. Yverdon, CH: Gordon & Breach, 1994.
19. Waltzer M. Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality. N. Y.: Basic Books, 1983.
20. Touraine A. Comment sortir du libéralisme? Paris: Fayard, 1999.
21. Wagner P. Certainty and Order, Liberty and Contingency: The Birth of Social Science as Empirical Political Philosophy // Heilbron J., Magnusson L., Wittrock B. (eds.) The Rise of the Social Sciences and the Formation of Modernity. Dordrecht: Kluwer, 1998.
22. Bourdieu P., Passeron J.-C. Sociology and Philosophy in France since 1945: Death and Resurrection of a Philosophy without Subject // Social Research. 1967. Vol. 34. № 1.
23. Boltanski L. La souffrance à distance: Morale humanitaire, médias et politique. Paris: Métailié, 1993.
24. Thévenot L. L'action qui convient // Pharo P., Ouéré L. (eds.) Les formes de l'action. Paris: Ed. de l'EHESS, 1990 (Raisons pratiques. 1).
25. Thévenot L. Le régime de familiarité: Des choses en personnes // Genèses. 1994. № 17. September.

26. Thévenot L. Which Road to Follow? The Moral Complexity of an «Equipped» Humanity // Law J., Mol A. (eds.) Complexities in Science, Technology and Medicine. 1999. (Forthcoming).
27. Desrosières A. La politique des grands nombres: Histoire de la raison statistique. Paris: La Découverte, 1993.
28. Boltanski L. L'amour et la justice comme compétences: Trois essais de sociologie de l'action. Paris: Métailié, 1990.
29. Derrida J. Force de Loi. Paris: Galilée, 1992.
30. Benjamin W. Critique of Violence // Benjamin W. Reflections. N.Y.: Schocken, 1986.
31. Arendt H. The Human Condition. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1958.
32. Lamont M., Thévenot L. (eds.) Comparing Cultures and Polities: Repertoires of Evaluation in France and the United States. Cambridge: Cambridge University Press. (Forthcoming).
33. Boltanski L., Chiapello E. Le nouvel esprit du capitalisme. Paris: Gallimard. (Forthcoming).
34. Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, MA: Belknap, 1971.
35. Lafaye C., Thévenot L. Une justification écologique? Conflicts dans l'aménagement de la nature // Revue Française de Sociologie. 1993. Vol. 34. № 4.
36. Thévenot L. Mettre en valeur la nature; disputes autour d'aménagements de la nature en France et aux Etats-Unis // Autres Temps. Cahiers d'éthique sociale et politique. 1996. № 49.
37. Lepetit B. Le présent de l'histoire // Les formes de l'expérience. Paris: Albin Michel, 1995.
38. Wagner P. The Exit from Organized Modernity: «Flexibility» in Social Thought and in Historical Context // Strath B. (ed.) After full employment: European discourses on work and flexibility. 1999. (Forthcoming).
39. Wagner P. The Resistance that Modernity Constantly Provokes // Europe, America and Social Theory. 1999. № 58. Thesis Eleven.
40. Taylor C. Cross-purposes: The Liberal-communitarian Debate // Rosenblum N. (ed.) Liberalism and the Moral Life. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989.